

Исидор Воробкевич
(Данило Млака)
(1836-1903)

Природа подарила Исидору Воробкевичу красивейший букет талантов: он был поэт, писатель, художник, композитор, прекрасный педагог, профессор. Разнообразное творческое наследие его обширно. Исидор Иванович положил на музыку мелодраму "Снесенные панцини" известного галицко-русского писателя и драматурга Ивана Гушалевича (1823-1903). Издал сборники своих песен с нотами. Создал несколько литературных портретов о композиторах: Михаиле Глинке, Михаиле Вербицком и др. Писал исторические драмы, оперетты, новеллы: "Вымштрованный конь" (1865), "Цыганка" (1869), "Месть черногорца" (1876). Стихи свои печатал под псевдонимом Данило Млака, в частности, в литературно-научном журнале "Родимый Листок", который издавался в Черновцах. Стихотворный сборник его "Над Прутом" вышел в 1901 г.

Представляем вниманию наших уважаемых читателей прекрасный очерк об Исидоре Ивановиче, опубликованный в 1881 г. Автор: Николай Михайлович Огоновский (криптоним - Н.М.О.) - издатель и ответственный редактор журнала "Родимый Листок".
Наталья ГАТТАС

ИСИДОР ВОРОБКЕВИЧ (ДАНИЛО МЛАКА)

Исидор Воробкевич - именно так во имя нашего буковинско-русского поэта - родился дня 9 мая 1836 г. в Черновцах, где отец его, Иван, стоял катехитом на тогдашней "филозофии". Лишен уже на третьем году жизни своей матери, а на 9-ом и отца, сирота-мальчик жил теперь у своего деда Михаила, протоиерея и пароха в Коцмане. И не будь того, а живи и воспитывайся малый Исидор в космополитичном, собственно же немецком городе, Черновцах, он, может быть, пропал бы для Руси безследно... Но иное дело в русском Коцмане, где хозяйничала попадая Параскевия - так звалась бабка Исидора - одна из тех давних русских попадей, что то не цурались своего родного слова, а любила его целым сердцем... Она то и зацепила ту любовь и в грудь многонадежного мальчика, который с жаром прислушивался к ее песням и рассказам, так и поглощающий каждую ноту и каждое слово, происходящее из уст дорогой бабки; и если Русь гордится сегодня Данилом Млакою, то вся заслуга в том припадает единственно той благородной женщине.

Поступив в высшую гимназию, поэтично настроенный молодец обнаружил необычайный талант музы-

ИЗ РУСИ БУКОВИНСКОЙ

кальный и ходил во время школьных ферий от села до села, собираючи народные песни и их напевы; познакомившись же с характером народной поэзии, попытывался уже тогда писать мелкие стихи, которые обыкновенно подкладал сейчас под ноты. Песенки те принимались повсюду радо, а некоторые из них удержались до сегодня в народе.

Окончив в 1860 году науки богословские и рукоположен следующего года в священники, о.Воробкевич стал приходским священником в Давидовцах, после же в Русской Молдове, а с года 1868 стоит профессором хорального пения в гр.вост. духовной семинарии и во всех майже учебных заведениях в Черновцах.

В первый раз указались его поэзии в "Галичанине" (1863), и были приняты всеми весьма симпатично. С тех пор Данило Млака уже не откладал своего пера; и не было, а и ныне нет майже и одного числа русских часописей, в котором не можно бы встретить с хорошими, большими или меньшими произведениями его Музы, начисление которых (уже по причине их громадного числа) просто невозможно; все же они отличаются глубоким чувством, легким и гладким слогом и хорошими, с неподражаемым артизмом начертанными картинками.

Кроме множества поэзий различного рода, Данило Млака написал тоже несколько весьма удачных рассказов и гуморесок, как "Муштрованный конь", "Амврозий Останкевич", "Турецкии бранцы", "Кто виноват?" и др., а для русско-народного театра положил великанские заслуги сочинением прекрасных мелодрам "Гнат Приблуда" и "Бедная Марта", равно как и комических оперет "Три грации", "Золотый мопс" и проч., скомпоновавши до всех них и оригинальную музыку, в которой он такой же мастер, как и в поэзии. Со времени преждевременной смерти даровитого Мих.Вербицкого, австрийская Русь имеет в лице проф. Исидора Воробкевича единственного композитора-артиста, который пользуется совместно заслуженною славою так у своих, как и у чужих.

Музыкальные композиции (равно как и поэзии) Воробкевич словно "из рукава трясет" - и он написав уже целые сотни различных композиций церковного и мирского характера, квартетов, кантат, потпури и т.д., которые поются повсюду и при всяких случайностях весьма радо.

Из его печатных сочинений по той отрасли укажем тут прежде всего на две небольшие, но основно написанные брошюры п.з. "Allgemeine Musiklehre" и "Harmonielehre", дальше на "Спеванник для школ народных", а наконец на четыре гомофонных и полифонных Литургий (печат. в Вене и Черновцах), с приложением нескольких псалмов и церковных кантат.

Новейшее музык. сочинение проф.Воробкевича "Греческая Литургия" удостоилось высочайшей признательности со стороны самого Императора.

В настоящую пору проф. Воробкевич, мимо своих численных

занятий, не устает нияк в труде для возвеличения славы русского имени. Трудячись теперь над историческою драмою "Василько Теробовельский" и поэмою "Иван Грозный", равно как и над новыми музыкальными композициями, он занимается при том ровно делами здешнего литературного Общества "Русская Беседа" (председателем которой стоит уже третий год), в немногих же остальных свободных хвлях отдается искусству малярства - и картины, вышедши из-под его кисти, могли бы фигуировати на первой-либо артистичной выставке.

Вот, коротко начертанная плодотворная деятельность мужа, яким могут повеличатись лишь не многие народности....

Н.М.О.

Повернись молодость!

Молодость, молодость!
Где ж ты ся подела?..
Чи ты с теми журавлями
В ирий улетела,
Где-сь за горы, за чужии
За моря глубоки,
За Дунай той синофалий,
Чи в степи широки?..
Чаровнице благодатна,
Красна молодости,
Хоть на хвилю, на годинку
Вернись у гости!..

Молодости, чаровнице!
Где ж, мила, пропасть?..
Чи ты може со осенним
Листочком совила,
И ветры тя буйнесеньки
Рознесли светами
И земля тя застелила
Бельми снегами?..
Чаровнице благодатна,
Красна молодости,
Хоть на хвилю, на годинку
Вернись у гости!..

Мне без тебе свет не милый,
Доли я не маю:
Хоть красуесь все весною,
Того не видаю.
Хоть спивают соловеи,
Того я не чую,
За тобою, молодосте,
Плачу и горюю!..
Хоть во сне мне повернись,
Красна молодости,
Хоть на хвилю, на годинку.
Будь мне милым гостем!..
Данило Млака

МИХАИЛ ВЕРБИЦКИЙ
(в сокращении)

Кому неизвестна спевучесть нашего народа?.. У него тых песен як зорок на блакитном небе, мов того рожнобарвного цвету на русской рокошной ниве!

Песнь, се найвернейша товаришка нашего человека от его колыбели до самого гроба: она вытае его скоро он свет узрел, колыбельною песнью присыпляют его, песня сопровожает его оттак при тяжкой праце в жаре и морозе, она его подругою, коли под венец ступает, утешает его горе, осушает слезы, веселит его старость, а даже тогда коли уже руки на вкрест зложены и грешни кости землицею присыпают, песня отдае ему последнюю честь.

Так, без числа тых русских песен, а всякий може о них дознатись и их милыми звуками наслаждатись из различных сборников и веночков,

катори сплели Липинский, Коцапинский, Лысенко, Соломон и др.

Сказано се про наши народны песни, катории выступевали наши русски литани и трубадуры-слепци при бандурах, кобзах и лирах, дяки своими напитку жадными гортанками и народ при розличных случаях, они-то сохранили их яко святу традицию и батьковску спадщину и оставили преславный памятник потомкам своим...

Первым жуем, который двигнул в Галиции церковную и мирскую музику из еи эмбрионичного состояния на выше становиче и показал своим приемникам в том искусстве дальшую дорогу в безконечный эдем тонов, был М и х а и л В е р б и ц к и й, славно-известный галицко-русский композитор...

Желаючи почтити память того мужа, розкажу хоть коротенько - бо много о нем не знаю и все справедливо эпитафы отличаются короткостью - где-то о его жизни, о его сочинениях и заслугах. Если не все буде точным и ясным, то прошу извинения у моих чт. Родимцев, воля была добра и щира, но написати совершенно биографию, верный образ горя и слез, утети и щастья человеческой жизни хотя бы и современной, то вовсе не легка задача, и лишь не многим избранным удаесться точно вывязатись из ней.

М и х а и л В е р б и ц к и й родился 1815 года в селе Улючи, где отец его был приходским священником. Уже в 1825 г. помер отец, як поведает, по поводу домашних гризот, оставивши двоа сынов, Михаила и Владислава. Осирочени дети не нашли при матери ответного притулку: она, подружившись вторично, забула совсем на дети и свой святыи обовязок, тож лишеннии сироты забрал теперь до себе пок.еп. Снегурский, и под его оком, в Перемышле, окончили они гимназийски студия. Тут получил Михаил первые враженья музыкальных тонов...

В 1834 г. посещал Михаил яко воспитаник львовской духовной семинарии 1 год философии и тогда начал в первый раз церковными композициями заниматься. Головным инструментом, на котором он артистично играл, была гитара, и с ея помочи компоновал он все свои сочинения...

Наскучивши себе семеннице, подался в следуючом годе на экстерну, а в вакации 1838 г. оженился. Женатому невозможно было перебивати в семеннице, тож теперь настала для него крайняя нужда, и он удерживался единственно лекциями музичными, преподаючи в орменском монастыре Бенедектинок науку спеву и игры на гитаре... Он взялся до студиеванья музыкальной теории, гармонии, композиции и инструментации, и то ему в будущности придалося и в пригоде стало.

В 1839 г. умирает его жена и лишае двое деточек... По смерти жены принял его до семенница, но для удержания и воспитания детей он был принужден опять выступити и поийшол в Перемышль, где получил посаду консисторского курсора. Тут познакомился с Лоренцом, славным теоретиком музыки и директором хора... Той, заметивши великий талант у Михаила, полюбил его так, що уделял ему с охотою науку контрапункта и инструментальной композиции. От теперь начал композиторский талант нашего Михаила що раз развиваться и большими сочинениями заниматься. К тому времени относится его композиция Литургии на мешаный хор, которую переделал позднее с малыми изменениями на хор мужеский, музыка до оперетки "Гриць Мязниця" и где катори симфонии на малу и велику оркестру...

Шестого дня месяца января 1870 г. помер Михаил Вербицкий от рака...

Як уже повыше сказано, покойник причинился не мало до музыкального розвития и движения на Галицкой Руси.

Он составил 22 песней на мужеский хор (поэзии Гушалевича, Федьковича и Шевченка), катории русска молодежь яко цветы родимой нивы

радушно приняла и их донине в своих кружках и вечениях с восторгом спевает. Для хора молодежи Перемышльской написал он причастники и иные сочинения и две латинские службы. Не забувал наш Михаил и на скромную русскую труппу театральную, которую при помочи галицких патриотов засновал энергичный директор Бачинский...

Кто не был тронутый до живого, чуючи милозвучный "хор косарей" или "молитву повертающих работников" (октет) з "Подгоряч"? Каждый звук чарует нашу душу и возносит еи в тии сферы, где з покоя-века лишь гармония и согласие господствуют.

Его наилучшим музыкально-театральным сочинением суть "Сельские пленпотенты", шкודה лишь що тая штука еще совершенно не играна на сцене русской.

Славий суть его 12 симфоний на великую оркестру, катори по его смерти "Беседа" закупила. При конци его жизни скомпоновал он 12 новых песней (поэзии Вол.Шашкевича), но найвыше вознесся гадкою при композиции Шевченковского "Завещанья". Кажется, що никто другий не был бы в состоянии представити лучше и докладнейше конаючого поэта як Михаил: соответными музыкальными тонами малое он кожде слово Тараса, и справедливо можна сказати, що в композиции той объявляется вся сила его гения.

Межи композициями, сложенными с сопровождением фортепяна, достоини особенного внимания поэзия В.Шашкевича "Не чужого мы бажаем".

Все светские сочинения незабвенного композитора отличаются патриотически-народным настроением, хорошою формою, удивительною концепциею и незвычайною теплою, подобно и его церковной композиции...

Яко член человеческого общества Михаил Вербицкий был ото всех люблен и почитан. Был то муж хорошего лица, веселого темперамента и образцового характера. Хотя в глубине его сердца укрывалась не одна тяжкая скорбь-печаль, око его дивилось всегда весело на люди и на свет божий - и добре чинило...

* * *

В приходе Млынов здоймається в ограде церковной среде вишень и черешень скромная могила, под нею почивают тленныи останки Михаила Вербицкого. Тихо дремае там тое сердце, що так живо и горячо чувствовало и тии чувствую в прекрасных тонах выливалось... Тихоночь, чтобы не перервати тую дремоту, стоит там в головах плачущая береза, а в ногах хрищатый барвинок, и лишь ясными ночами, як снавольный ветрец с березою и барвинком полоскоче, причуваются тебе, дорогой Родимец, знакоми звуки... то мелодии и акорды нашего Михаила, нищечком складаешь ты тогда руки твои и засылаешь до Бога щирый "Отче наш" за упокой души одного из наилучших сынов Галицкой Руси.

Проф. Ис. Воробкевич
Журнал "Родимый Листок"

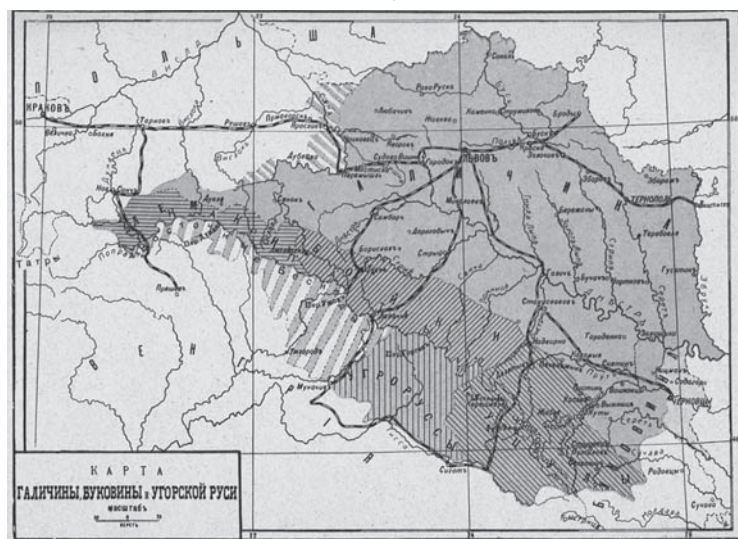
СИНИ ОЧИ

Вы девочи сини очи!
Чом слеза вас крые?
Як в вас гляну, с болю вяну,
Сердце в грудях ные.
Вы зорницы серед ночи,
Сини очи, вы девочи,
Кто в вас гляне, зазырае,
Тому рай ся протворие.

Чом дивчино ты сумуешь?
Боже! щоб то знати,
Я с тобою аж до гробу
Хтел бы сумовати,
И у сини очи твои
Выливал-бым боли мои,
В ти зорницы серед ночи,
Сини очи, ти девочи!..

Не смутися, на сем свите
С давна так ся дие,
Що в серденько трукты лиют,
С болю бидне млие...
Боль пропаде, як росица
В солнце рано на травци,
Як весело сини очи
Глянут зоркой в темной ночи!

Данило Млака

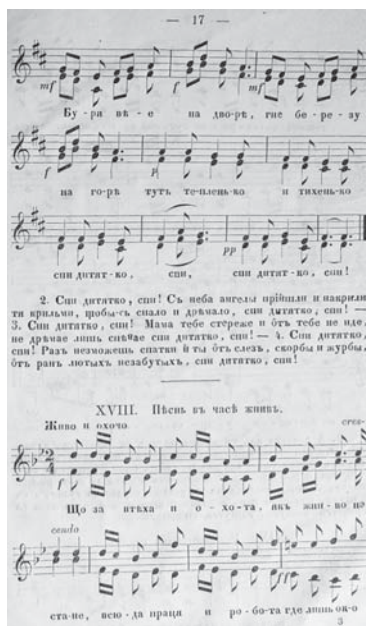
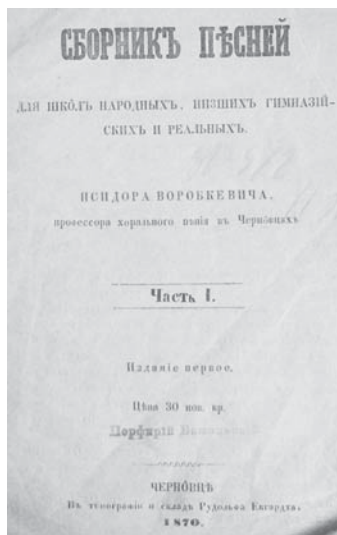

ПРЕДИСЛОВИЕ

Влияние музыки на людей великое, через музыку бо учится человек и глубже чувствовать и убагородняти сердце и душу свою. Музыка людска есть то пение, оно есть выражением света наших чувств и через слово и через тоны, производимы голосом, природным человеку инструментом. Уже в сердце детины сквозит любовь к пению, так что каждое веселое впечатление на душу, оно через пение на вне объявити принуждено. Пение есть затем для детей природное конечности. Но як все полезное, так само и пение должно быти пестовано в школе, если мае правдивую принести корысть, оно должно вщеплятися в молоденьки сердца также, абы тем способом пробудити в их сердцах благородны чувства и смысл для эстетично-красного. Пение должно быти из той причины нужною частью науки в школе.

Следующий сборник песней предназначен для школы. От времени до

времени буду старатись розширяти его, абы воспитателям нашего народа подати ответны средства для осягнення высокой цели, се есть для убагородняния сердца людского.

В предложенных песнях держался я постепенности. От легших переходу до труднейших и маю яэце не лишь мелодическое, но и гармоничное следствие тонов. В дальших частях постараюсь то же о три и четыри голосовое пение так для школы, як и для церкви в ответный способ увзгляднати.

Содержание песен приуровлено чувству детей, и выключено все, що бы с ним не соглашалось.

Мелодии целком нови, поединчи и занимательны с увзгляднением народного характера.

В дальнейших частях буду помещати также песни народны и сочинения славных композиторов. Вконци должен я еще приметити, що за мой труд не желаю ниакой иной нагороды, як только такой, абы воспитатели народни задали себе праце в основном обучению пения той правдивой людской музыки.

Черновце, месяца Января 1870

ЛЮБОВАНІЕ ЧЕКИЗМОМ:

КАК ЛИБЕРАЛЬНЫЕ ОБРАЗОВАНЦЫ УСТАНОВИЛИ СКОРБНУЮ ТАБЛИЧКУ КРАСНОМУ ПАЛАЧУ

В 2016 в Москве вышла в свет солидная пятисотстраничная монография докторов исторических наук О.И. Киянский и Д.М. Фельдмана «Эпоха и судьба чекиста Бельского», рекомендованная к изданию редакционно-издательским советом Российского государственного гуманитарного университета (РГГУ). Ни много ни мало – чекиста! Речь идёт о том самом «нашем Яше», Бельском-Биленкине, которому фонд «Последний адрес» при обществе «Мемориал» установил на дом скорбную табличку летом 2020 г. В книге расписан каждый шаг этого малоизвестного красного литератора.

При Государе Императоре Бельский учился в Одесском художественном училище Общества изящных искусств имени Великого Князя Владимира Александровича, состоявшем в ведомстве Императорского двора и уделов, то есть за Царский счет – так и пишет он в автобиографии, что учился даром. После демобилизации с фронта он рисовал большевистские плакаты в одесском агитпропе. При взятии Одессы армией генерала Деникина был в большевистском подполье. А затем целых два года служил в одесской ЧК в качестве начальника разведки и уполномоченного по борьбе с контрреволюцией.

Целая глава книги так и называется – «Чекист». Сначала авторы пишут о службе Бельского под началом руководителя одесской ЧК Макса Дейча, которого определяют как «легендарную личность», таким образом романтизируя этого красного бандита: «Революционер, боевик Бунда; ...авантюжная молодость, экстравагантное поведение, явная харизматичность, бескомпромиссность в борьбе с «врагами революции»... «В вину Дейчу ставят расстрел – только по официальным данным – почти полтора тысяч человек в 1920 г и 664 – в 1921 г.» Авторы цитируют литературные данные об убийстве арестованных после изъятия у них ценностей, взятии заложников, вымогании у родственников выкупа... И тут же обеляют красного палача: «Эти выводы, конечно, голословны: документальных данных о захвате по приказу Дейча заложников с целью выкупа, а тем более о пересылке денег руководству ВЧК нет... По-видимому, не обоснованы и выводы о его особой жестокости...».

Затем Бельский был сотрудником большевистских газет ряда городов Новороссии. Его роман «В пламени борьбы» был гимном большевистской смуте и вполне соответствовал литературно-политическим требованиям советских вождей, в частности установке Бухарина, одного из самых отъявленных русофобов: «...использовать факты нашей подпольной работы, из области Гражданской войны, ... деятельности ВЧК... Красной Армии и Красной гвардии...». В романе воспеваются советские разведчики и подпольщики, противостоящие контрразведке Скоропадского; подрывными артиллерийскими складами в киевском районе Зверинца преподносится как доблестная диверсия, поколебавшая стабильность власти гетмана. В конце книги приводятся опубликованные и неопубликованные рассказы и фельетоны Бельского, написанные довольно непривычным, тяжелым языком – далеким от языка русских классиков.

Архив управления СБУ по Одесской области любезно предоставил нам личное дело Бельского-Биленкина, которое проливает свет на многие особенности этого персонажа. В деле содержатся документы (анкеты, автобиографии и другие) в двух вариантах: от 1928 г и 1935 г. Так и написано: «Послужной список для лиц, состоящих на службе в органах ГПУ»; то есть, несмотря на то, что формально «наш Яша» уволился из одесской ЧК, бывших в этом ведомстве не бывает...

Вот что «герой» пишет сам о себе. «Был в Одессе в полусотне молодежи в Красной Гвардии до 1918 г... Работал по организации студенческих боевых дружин... Затем служил

в 1-ой Бессарабской стрелковой дивизии и в Губ. Особом отделе... После подполья 1919 г... с 7 февраля работал на различных должностях в ЧК ГПУ до мая 1922 года...» «Стою членом КП(б)У с мая 1919 г.»... В 1917 г был на Румынском фронте и «дезертировал оттуда в августе 1917 г в Одессу, где вступил в ряды полусотни молодежи в Красную Гвардию... В рядах Красной Гвардии при-

Фотография из следственного дела 1937 года. Центральный архив ФСБ РФ

нимал активное участие в «Октябрьской» революции... В 1918 г работал в Одессе в подполье, формировал студенческие боевые десятки... Работал в подполье, организуя боевые дружины... С организованным мною отрядом выступал 8 февраля 1920 года, непосредственно участвуя в изгнании белых из Одессы. С 8 февраля 1920 года по 19 мая 1922 года работал в Одесской Губчека... В 1921 г получил золотые часы от коллегии ВУЧК с надписью «За самоотверженную борьбу с контр-революцией»... То есть перед нами убежденный красный революционный смутьян-разрушитель.

Другая анкета преподносит нам один пикантный факт: на вопрос «подвергались ли Вы партвыскаанию» Бельский отвечает: «Имел строгий выговор за избивание. Снят по чистке 1929 года». За избивание кого? Не иначе как подследственных, а кого же еще... – значит, «наш Яша» еще имел садистские наклонности...

В анкете есть и пункт о поручительстве, звучащий как «кто из работников милиции и угрозыска, и ОГПУ Вас хорошо знает», на который Бельский отвечает перечислением фамилий высших чинов карательных органов: своего одесского начальника Дейча, Заковского, Лышкова, Горожанина и Добродицкого. Открываем википедию. Заковский (Генрих Эрнестович Штубис) возглавлял отряды специального назначения, осуществлявшие подавление восстаний... Был причастен к убийствам и ограблениям перебежчиков, присоединению контрабанды... С 1928 года был председателем тройки ... по Сибирскому краю... В течение 1930 года тройка эта осудила 16 553 чел., в том числе 4762 — к расстрелу (28,8 %)... Генрих Самойлович Лышков – деятель советских спецслужб, входил в состав особых троек. Валерий Михайлович Горожанин (Вольф Моисеевич Гамбург) – следователь по особо важным делам при президенте Одесской ГубЧК. Николай Иванович Добродицкий – отличился во время красного террора в Крыму тем, что с 3 по 30 декабря 1920 г в Керчи и Феодосии подписал 1136 расстрельных приговоров (Леонид Абраменко «Последняя обитель. Крым, 1920-1921»). То есть «наш Яша» в 1935 г указал в качестве поручителей отъявленных палачей-головорезов, организаторов массовых убийств, с которыми он, видимо, поддерживал отношения.

Но вернемся к службе Бельского-Биленкина в одесской ЧК, которая по мнению соавтора книги Д.Фельдмана, высказанном им жарким июльским полднем 2020 года во время установки Бельскому памятной таблички на доме 26 по ул. Петровке в Москве, «не имела отношения к подписанию расстрельных приговоров», так как «документов таких не видели», «так как это не входило в его обязанности,

поскольку он был разведчиком»... «ни одного приговора не подписывал...» «Бельских было два». Другой Бельский – это еще один одесский чекист Максим Минц. Так наводится тень на плетень.

Чтобы разобраться, где правда, а где ложь, обратимся к архивным документам одесского СБУ, а именно к расстрельному делу от сентября 1920 г Евгении Широковой и ее мужа

ведя погромную агитацию, вечером ходила по большим кафе продавать агитационные издания Добрармии и заставляя жителей дома покупать их... Из всего этого я заключаю, что она неисправимая контрреволюционерка, опасная, ибо наносит вред всевозможными средствами, не останавливаясь ни перед какими обстоятельствами, посему считаю нужным применить к ней высшую меру наказания...» Определение «погромная» применительно к агитации Бельский добавил уже от себя – в показаниях свидетельницы агитация была названа устной. И Евгения Широкова, и ее муж Евстафий Сильванский были расстреляны в ночь на 13 сентября 1920 г, как пишет одесская исследовательница Л.В.Ковальчук, готовившая документы для реабилитации жертв. То есть «наш Яша» послал на смерть обезумевшую от горя женщину, у которой его же подельники по ЧК год назад расстреляли сына.

А может, Бельский-Биленкин не был палачом, как это утверждает профессор Фельдман, намекая на Бельского-Минца? Нам удалось получить из Российского архива социально-политической истории (РГАСПИ) документы партийного учета обоих. Так вот Бельский-Минц служил в одесской ЧК с февраля по май 1920 г помощником уполномоченного; а Бельский-Биленкин в эти же даты служил там же, но разведчиком. А затем, в мае 1920 года, Б-Минц отбыл на польский фронт, о чем он пишет в своей автобиографии, хранящейся в его академическом деле слушателя Института красной профессуры от 1937 года (ГАРФ). А Б-Биленкин заступил на должность уполномоченного по борьбе с контрреволюцией и начальника разведки, и пробыл в этой должности ровно два года. На момент ведения расстрельного дела Широковой, то есть в начале сентября 1920 г, Бельского-Минца в Одессе уже не было. Почерк и подпись Бельского-Минца кардинально отличаются от почерка одесского расстрельного дела.

Значит, Евгению Широкову с мужем на смерть послал оплакиваемый «борцами с тоталитаризмом» из «Последнего адреса» Бельский-Биленкин, тот самый «наш Яша». Описание именно этих злодеяний своего любимца истории Киянская и Фельдман на дают... Трудно представить, чтобы авторы книги, в которой использовано огромное количество архивных источников, не изучили вышеуказанные архивные документы в Одессе. И это только один эпизод...; а сколько еще расстрельных приговоров подписал в Одессе за два года службы «писатель, журналист, художник, одесит и просто хороший человек» – объект оплакивания и любования доморощенных «гуманистов»? Ведь не зря же он был в 1921 г награжден золотыми часами «за самоотверженную борьбу с контрреволюцией». Значит, «борцы с тоталитаризмом» осуждают только сталинские репрессии, а к репрессиям ленинским они вполне терпимы, коли через лакированную подставку и умалчание скрывают факт участия в этих репрессиях полюбившего им «героя».

Вокруг общества «Мемориал» создан ореол мученичества: на него, как утверждают ныне его адепты, оказывается «чудовищное давление». Однако «чудовищное давление» не мешает этим гражданам по выходным дням привинчивать на дома таблички памяти разрушителей подлинной, Императорской России – красных смутьянов, партийных чинов, палачей-чекистов и их прислужников... А научно-титолованные рыдальцы по революционерам выпускают лакированные монографии, сентиментально описывающие каждый их шаг и чих, но умалчивающие об их кровавых преступлениях. Такова практика необольшевиков по реанимированию духа революционной смуты и навязыванию обществу ложных ориентиров.

Свидетельница Вайнштейн Неха Гершовна, 54 лет, из мещан г.Одессы: «Супругов Сильванских я знаю как явных контрреволюционеров, которые содействовали добровольцам, не пренебрегая никакими средствами. Моего сына, бывшего в прошлом году комендантом ЧК, Сильванский сказал, если увижу, застрелю. Всего сказать не могу, очень долго, а кроме того другие уже сказали».

Обвиняемая Широкова Евгения Ивановна, 57 лет, из мещан г. Одессы: «В к-разведке я никогда не служила. Ходила в к-разведку 1 раз получить деньги от Гришки Зборовского, которому продала сапоги сына, штабс-капитана, расстрелянного в прошлом году в ЧК... У Шиллинга была 1 раз просить помощи перед Рождеством... я сказала, что сына моего расстреляли в ЧК, и я нуждаюсь, он дал мне 700 руб. и я ушла... Деньги я собирала тайком от мужа, чтобы купить себе ботинки...»

В заключении от 6 сентября 1920 г Бельский написал: «Широкова Евгения Ивановна, 57 лет, мать белогвардейца, расстрелянного в прошлом году ОГЧК, в период пребывания белогвардейцев в Одессе содержала у себя на квартире не то столовую, не то приют, где в большом количестве днем и вечером собирались офицеры и чины контрразведки... Днём с иконой в руках бродила по базарам,

Сергей ШАРАПОВ